

С. П. СОРОКИНА
(Москва)

РАССКАЗЫ О НОВЫХ ЧУДЕСАХ

(К проблеме текстообразования в современной народной культуре)

Среди рассказов верующих в настоящее время особое место занимают истории о чудесах. Подобные нарративы во множестве существовали с давних пор, являясь источником легендарных сюжетов, становясь материалом для создания житийной и апокрифической литературы [Федотов 2003, 201–212]. Специально тексты такого рода вплоть до последних десятилетий не собирались и не исследовались. Дореволюционной науке не хватало «дистанцированности взгляда на религиозную культуру» [Панченко 1998, 7], в советские времена она оказалась под запретом по идеологическим соображениям. В то же время уже в XIX, а затем в XX веке сообщения о чудесах печатались на страницах православных изданий, таких, как «Московский церковный вестник», «Град Китеж», «Православная Русь». Начавшийся в нашей стране в годы перестройки религиозный ренессанс и появление большого количества неопитов спровоцировали рост числа подобных текстов как в устном, так и в письменном бытовании [Православные чудеса 2000], в связи с чем возникает необходимость их систематизации и осмысления.

Прежде всего, обращают на себя внимание два принципиально разных типа чудесного, встречающиеся в рассказах верующих. В первой группе текстов (не самой обширной) фигурируют чудеса, которые условно можно обозначить как прямые. Подобные случаи любой человек, независимо от того верующий он или нет, определил бы как сверхъестественные, не находящие рационального объяснения. К ним относятся сообщения о воскресении после смерти, о необъяснимых физических свойствах святых предметов, об особом даре избранных Богом людей. Иногда

в таких историях преломляются сказочные мотивы, и именно в этих случаях проявление чудесного оказывается наиболее сильно выраженным. Иллюстрацией рассказов последнего типа может служить история некой Нины из Сибири, записанная Е. Штанько от архимандрита Сергия Свято-Троицкой лавры [Православные чудеса 2000, 48–53]. Приехав в лавру издалека и потратив все деньги, героиня через некоторое время осталась без средств к существованию. В тексте подчеркивается, что женщина «хорошо запомнила, как разменяла последний рубль» [Там же, 50]. Далее случается чудо: «Рано утром, собираясь в лавру, Нина машинально сунула руку в карман кофты – какие-то бумажки, она быстро достала их – деньги! Рубли, трешки, несколько пятерок. Было раннее утро. Тишина. В доме все спали. Нина, онемев от ужаса, смотрела на деньги, которых не было и быть не могло... От движения воздуха деньги разлетелись, и Нина бросилась собирать их. Это не сон. Они настоящие» [Там же, 50]. Нина отдает часть денег нищенке с ребенком, понимая, что «если не будет отдавать их, если пожалеет, то они исчезнут» [Там же, 51]. Потратив и эти деньги, героиня вновь, тем же способом получает «небесную милостыню» [Там же, 52]. Таким образом, чудесный дар оказывается неиссякающим, при этом подчеркивается, что получивший чудесную помощь должен вести себя определенным образом (сходный мотив встречается и в сказках). Важно отметить, что эта история и для самой героини, и для тех, кто ее пересказывает, важна не самой своей фантастичностью, а тем, что в ней они видят проявление любви Отца Небесного к своим чадам.

Вторая (и гораздо более обширная) группа текстов может быть условно названа «чудеса без чудес». К ней относится огромное количество рассказов, в которых бытовые ситуации, вполне объяснимые рационально, осмысляются верующими как чудо. Можно сказать, что вера часто превращает, в общем, рядовой случай из жизни в рассказ о событии-знаке, в котором человеку открывается Божий промысел. А. В. Тарабукина справедливо, на наш

взгляд, связывает этот феномен с мировоззренческой установкой верующих на «развитие “духовного зрения”», или, иначе говоря, привычки к мистическому восприятию любого, пусть самого незначительного, явления действительности» [Тарабукина 2003, 303]. Многие подобные истории поражают приземленностью чудес. Жизненные ситуации, фигурирующие в них, могут быть самыми обыденными: сдача экзаменов, поиск работы, избавление от пьянства, восстановление справедливого хода судебного разбирательства, поиск мужа, решение бюрократической проблемы, излечение от болезни и т. п. Приведем один из характерных рассказов такого рода. Игуменья Ф. из московского Покровского монастыря, где хранятся мощи святой Матроны Московской, сообщает: *«Когда я впервые прочитала книгу о блаженной старице Матроне, мне очень захотелось побывать на ее могилке и приложиться к ней. В это время мне было совсем не легко, так как пришлось открывать монастырь, что называется, “с нуля”, начиная с оформления бумаг. Подготовленный устав монастыря вернули на доработку, сказав, что он устаревший. И вот, когда я пришла на могилку блаженной старицы, то простояла зимой на холоде часа три. Просила о терпении и помощи, чтобы мне быстрее оформить бумаги, и не заметила, как прошло время. Приложила к могилке доработанный устав. И когда уже через неделю мне вернули утвержденный устав монастыря с юридическим адресом, я сразу поняла, что мне помогла матушка Матрона»* [Житие Матроны Московской 2002, 118].

Рационально рассуждая, получение разрешения на открытие монастыря следует признать результатом доработки устава, однако исполнительница выдвигает иной мотив, сразу переводя этот случай из разряда обыденного жизненного факта, в историю, имеющую общезначимую ценность, поскольку она свидетельствует об участии божественных сил в делах земных.

Широкое бытование рассказов о чудесах предопределяет наличие в них стереотипии, прежде всего, на композиционном уровне. Как правило, они имеют трехчленную композицию. В

первой части сообщается о какой-либо беде, неудаче, проблеме. Вторая, кульминационная, часть повествует об обращении человека с молитвой-просьбой к какому-либо святому заступнику. В третьей части говорится о преодолении сложности с непременным утверждением, что положительный исход дела является следствием Божьей помощи. Нередко в подобные истории включается мотив обретения веры. Очень часто в рассказах о чудесах фигурирует образ незнакомца-«носителя» чуда. Сущность этого «чудесного помощника» может быть двойной. В одной группе историй он выступает в качестве своеобразного демиурга, посредника-исполнителя Божьей воли. Так может переосмысливаться профессиональная помощь или компетентность того или иного лица, прежде всего, конечно, врача, но не только. Например, некто Е. К. [Православные чудеса 2000, 77–78] рассказала о том, как ее чуть не обвинили в должностном преступлении — растрате, но после того как она помолилась о заступничестве святителю Серафиму, прежний ревизор заболел, а новый, тщательно изучив документы, выяснил, что обвинения были ложными. Информант заключает свой рассказ словами: *«Слава Богу и Его угоднику, архиепископу Серафиму, по молитвам которого Господь Своей Божественной правдой победил человеческую неправду!»* [Там же, 78]. Функции Божественного посредничества могут приписываться также простой человеческой порядочности. В таком ключе нередко рассказывается о возвращении пропавших вещей. Например, сообщает Михаил: *«...Как-то на Черкизовском рынке я выронил портмоне, в котором были ключи, в том числе от машины, водительские права, документы и копеечка от могилы блаженной Матроны. <...> В тот день был ливень. Пропажа обнаружилась дома, что доставило всем членам семьи величайшее огорчение. Не было никакой надежды найти эти вещи, а если бы они нашлись, то документы после такого ливня должны были прийти в полную негодность. Моя деятельность оказалась парализованной, а семья — обреченной на нужду. Сестра, как могла, успокаивала меня. На следующее утро поехал я “своим ходом”*

на Черкизовский рынок. Помню, сестра всунула мне в карман какую-то книжечку и сказала: "Помолись Матроне, она поможет". Тогда я ее словам не придал никакого значения, к тому же и не знал, что значит "молиться", да и опыта такого не было. В электричке вспомнил про книгу. Это была книжечка о блаженной Матроне. Начал читать и не заметил, как доехал до Москвы — так увлекла меня книга. От прочитанного вселилась непоколебимая уверенность, что блаженная Матрона непременно поможет. Узнав из книги о месте ее захоронения, я стал расспрашивать прохожих, где находится Даниловское кладбище. Еще раз поискал пропажу на Черкизовском рынке. Все мне говорили: зря ищешь, разве мыслимо найти здесь потерянные вещи. Я был близок к отчаянию. Ноги сами направились в сторону Даниловского кладбища. Время было дообеденное. Как я нашел могилу, сейчас уже не вспомню. Помню только, как, припав к могиле, от всей души начал просить Матрону помочь мне в горе. Никогда и впоследствии не молился я так горячо, как тогда. Ушел с полной уверенностью в том, что блаженная Матрона поможет мне. Время близилось уже к вечеру. Подхожу к Черкизовскому рынку. У ворот подходит ко мне незнакомый человек и протягивает мне мое портмоне со словами: "Не Ваши ли это документы?" Все документы были в целости и сохранности, ничуть не пострадав от ливня. Только вот "копеечки от Матроны" не оказалось...» [Блаженная Матрона 2002, 142—143]. Любопытно, что даже помощь, оказанная из меркантильных соображений, может истолковываться верующим как Божья. Так, анонимная информантка [Православные чудеса 2000, 72—74] рассказала о том, как во время войны незнакомец помог ей довести до дома мешок картошки за бутылку водки, тем не менее его помощь она приписывает заступничеству мученика Трифона (полностью рассказ приведен на с. 84—85). Характерно, что во всех рассмотренных примерах рассказчика не интересует незнакомец как конкретная реальная личность, а сделанное им целиком приписывается Богу.

Другой тип «чудесного незнакомца» — скрывающийся за этим персонажем и затем, после произошедшего

чуда, узнаваемый в нем святой. Например, мальчику, упавшему с третьего этажа на цементный пол, является «старичок, тот, что у вас в спальне на картине нарисован» [Там же, 93] и ставит его на ноги, после чего у ребенка не обнаруживается никаких травм, а «старичком» оказывается Серафим Саровский; к тяжело больному, обездвиженному военному приходит «старый человек с белой бородой» и говорит ему, что он здоров, после чего рассказчик действительно встает на ноги и начинает ходить, а в старике узнает Сергея Радонежского, некогда виденного на иконе во время экскурсии в Троице-Сергиеву лавру [Там же, 39]; во время Второй мировой войны некий незнакомец после обращения рассказчицы с молитвой к Николаю Угоднику помогает ей и еще несколькими заблудившимся людям найти дорогу и вернуться домой, позже в образе Николая Угодника героиня узнает того самого старца [Блаженная Матрона 2002, 63—65] (полностью рассказ приведен на с. 85—86). Истории, где фигурирует такой персонаж, весьма распространены и для них в большей степени характерна атмосфера необычайности происходящего.

Стремление осмыслить не только собственно чудесные, но и достаточно прозаичные, с точки зрения рационального сознания, случаи как чудо Божьей милости делает структурную модель таких рассказов очень продуктивной. Особая значимость события для сообщающего заставляет его долго хранить информацию в памяти, возникает потребность поделиться собственным ценным опытом с другими людьми. Такой рассказ, безусловно, не останется единичным актом коммуникации, поскольку, с точки зрения человека верующего, данный опыт не является только фактом его личной биографии. Более того, часто в подобных случаях люди прибегают к письменной фиксации потрясших их событий, поскольку эта форма хранения информации сегодня наиболее естественна, и посылают свои рассказы в церкви, монастыри, священникам. Часть таких материалов публикуется и становится доступной не только родным и знакомым информантов, но и гораздо

более широкому кругу. Таким образом, в настоящее время формируется некий специфический комбинированный тип передачи, хранения и воспроизведения подобной информации (вспомним очень характерное замечание в приведенном выше рассказе Михаила)¹ причем письменная фиксация оказывается знаком особой важности сообщения. На наш взгляд, такой способ бытования рассказов о чудесах является своеобразным свидетельством их утверждения в народном религиозном предании. Именно поэтому в настоящей статье используются письменно зафиксированные и опубликованные самими верующими тексты.

Можно выделить ряд художественных средств, которые используются в рассматриваемых текстах.

1. Прием контраста, являющийся наиболее частотным. Сама композиционная структура рассказов о чудесах предопределяет наличие в тексте контраста, противопоставления первой части рассказа, в которой с человеком происходит что-то плохое, завершающей, в которой «плохое» замещается «хорошим». Сообщает Александра Алексеевна Горская, проживающая в США (1975 г.): *«То, о чем я хочу рассказать, произошло в 1951 году. Мы с мужем — теперь покойным о. Георгием — и двумя маленькими детьми только кое-как устроились после переезда в Америку. С трудом нашли квартиру по нашим средствам. Вдруг выяснилось, что мы не выполнили какого-то условия договора, и домоуправляющий заявил нам, что мы должны освободить квартиру. Это было очень тяжело. Управляющий приходил каждый день, и я с ужасом ждала времени его прихода.*

И тут мне в руки попала маленькая брошюрка о блаженной Ксении. Я прочитала ее и вечером перед сном помолилась блаженной, попросив ее помочь мне найти квартиру. На другой день в обычное

¹ Напомним: Михаил в электричке читает книжечку о блаженной Матроне (по-видимому, одно из изданий, цитируемых в настоящей статье), она его увлекает и вселяет веру в помощь блаженной. Это очень важный шаг к дальнейшему осмыслению собственного случая под «углом зрения» историй о чудесах блаженной, собранных в книге.

время раздался стук в дверь. Я с ужасом ее открыла и вдруг услышала от управляющего: “Вы можете оставаться здесь”. И он ушел.

С нетерпением ждала я прихода мужа с работы и рассказала ему все, что случилось. Мой муж тут же сказал: “Это блаженная Ксения нам помогла!”. Мы сразу же всей семьей отслужили дома панихиду по блаженной Ксении» [Блаженная Ксения 2002, 80—81].

2. Гиперболизация. Даже в тех историях, в которых решаемая героем задача вполне соизмерима с человеческими возможностями, рассказчик преувеличивает ее сложность. «Укрупнение» наблюдается также в описании испытываемых человеком эмоций. Сообщает А. Г. из Софии (июль 1993): *«Много раз я обращалась за помощью к владыке Серафиму и часто ходила молиться на его могилку. Я студентка Софийского университета святого Климента Охридского. По Божьей милости и с помощью владыки я до сих пор ни разу не провалилась на экзаменах.*

Первые два экзамена на летней сессии 1993 года по предметам “Анализ — II часть” и “Дифференциальные уравнения” были очень важными. Они у нас считаются даже самыми трудными за все время обучения. Готовилась я к ним усердно, но страх не уменьшался, а даже увеличивался, и я каждый вечер усиленно молилась Богу.

На могилу владыки я ходила очень часто. И чудо совершилось: несмотря на мое беспокойство, по молитвам владыки, я получила чудесную помощь. На каждый вопрос профессора в моей голове «появлялся» правильный ответ. Как будто кто-то подсказывал мне то, что я должна была говорить. Слыша вопросы, задаваемые другим студентам, я понимала, что на многие из них я не могла бы ответить. Но через несколько минут, когда эти вопросы задавали мне, я сразу безошибочно отвечала.

Этот факт меня очень поразил, и я хорошо поняла, откуда “являлись” мне эти знания. Благодаря чудесной помощи владыки я получила за эти экзамены отметки 5 (“хорошо”) и 6 (“отлично”). Причем моя шестерка была единственной среди явившихся студентов, которые талантливее меня. Я благодарю

Бога и владыку Серафима за эту милость, за то, что я уже не только на третьем курсе, но состою в числе лучших студентов» [Православные чудеса 2000, 55—57].

Как легко заметить, несмотря на то что студентка говорит о своей старательной подготовке к экзамену, далее она, явно гиперболизируя ситуацию, заявляет, что не могла бы ответить ни на один из задаваемых преподавателем вопросов.

3. Эффект неожиданности как средство усиления эмоционального воздействия. После описания негативной для человека ситуации позитивная часть — сообщение о чуде часто вводится словами «вдруг», «неожиданно» и т. п. «*Двадцать третьего апреля 2001 г. состоялся областной гражданский суд по самому важному в моей жизни вопросу — вопросу о моем ребенке. Перед судебным заседанием моя мама дала мне прочесть статью о Блаженной Ксении и о помощи, которую она оказывала и оказывает людям. Прочитав статью, я отправился в Преображенский собор и всем сердцем попросил матушку Ксению о помощи в безнадежном деле.*

На суде все складывалось очень плохо для меня и сына, но вдруг произошел необъяснимый поворот и суд вынес решение в нашу пользу! Пусть это решение было и не окончательным, но оно позволило нам пожить вместе еще полгода, и мы надеемся, что нас не разлучат и в будущем.

Теперь, когда я — бывший атеист — знаю, какие у нас всех есть заступники и заступницы, над которыми не властны ни время, ни обстоятельства, я ничего не боюсь в этой жизни, а в моей душе живет надежда и благодарность» [Блаженная Ксения 2002, 101].

4. Использование традиционных фольклорных мотивов, таких как чудесная помощь и чудесный помощник, неиссякающее добро (см примеры, приведенные выше).

5. Элементы фантастики (мистика, чудесное). Для анализа в настоящей статье были отобраны тексты двух типов: в одной группе прямая фантастика (чудесное) формально отсутствует и лишь декларируется как авторское отношение к событию; в другой группе чудесное формализовано. Однако логика разви-

тия народно-православных рассказов, на наш взгляд, предполагает появление в них собственно чудесных элементов. Приведем два примера. Первый — сообщение анонимного информанта из архива Губанова: «*Наконец-то на доске объявлений было вывешено сообщение, что все сотрудники нашего института и их иждивенцы могут получить в овощехранилище № 6 картошку. С замирием сердца я искала в списке свою фамилию, вот она! Боже мой, нам с мамой дадут 70 килограммов! После того голода, который мы испытали здесь, в эвакуации, это же целое богатство!*

Стоял октябрь 1942 года. Мороз пощипывал, но не очень больно.

В овощехранилище мне быстро насыпали картошки в мой огромный мешок, сделанный из льняной простыни, но я осталась с ним в проходе между закромами, не имея сил сдвинуть его с места. Мимо сновали люди, я всем мешала, меня толкали, бранили, а я лишь топталась на месте и просила помочь.

Наконец кто-то подхватил мой мешок за один край, я — за другой, и мы вытащили его наружу. Кажется, эти же руки помогли положить его на мои детские санки. Привязав мешок, я надела себе на плечи веревки от саней, поднатужилась, дернула и... очутилась на земле. Сзади раздался смех. Глядя на мою тощую фигуру, смеялась заведующая отделом, в котором я работала. Потерев ушибленные колени, связала веревку и впряглась снова. Кто-то подтолкнул санки, и я поехала. Но через несколько метров полоса снега и льда кончилась, началась голая земля и сани не шли.

Я со страшной силой тащила сани по рыжей мерзлой земле, но вот веревка обрывается, и я снова падаю. Тащу санки уже столько времени, а дороги конца нет. До города далеко. Еще надо по льду переезжать реку, а потом начнется самое трудное: крутой подъем — город стоит на горе.

Меня нагоняют двое мужчин в меховых куртках. На спортивных санках у них уложен один большой мешок. Слышу, как они говорят:

— До чего она жалкая!

— И смешная, — брезгливо добавляет второй. Еще нагоняют меня санки, их везет целая семья. Оглядываюсь назад,

на дороге никого нет. А мороз все крепче, вот тебе и октябрь! Тру руки, надеваю на плечо веревку, тяну несколько метров и останавливаюсь: лед кончился, и передо мной голая земля. Что делать?

— Мученик Трифон, ты меня никогда не оставлял, помоги и сейчас! Не знаю, как, но помоги довести картошку.

Никого нет, и я кричу мученику во весь голос. Тишина кругом. С одной стороны дороги — замерзшая река, с другой — какие-то бугры, поросшие кустарником.

— Мученик Трифон, помоги!

Лежу на мешке, молюсь и плачу. Потом встаю и берусь за веревку. На сердце отчаяние. Делаю шаг, другой и чувствую на себе чей-то взгляд.

Смотрю по сторонам: высунув голову из-за бугра, на меня смотрит диковатого вида человек. Сердце мое замирает, а человек, тепло одетый, раскосый, встает во весь свой рост и подходит ко мне.

— Мученик Трифон, спаси, — только и успеваю прошептать.

— Помочь надо? — гортанным голо- сом спрашивает он.

— Да, — растерянно отвечаю я.

— Можно. А что дашь?

— Я развожу руками:

— У меня же здесь ничего нет.

— А дома?

— Дома тоже, — начинаю я и сейчас же вспоминаю, что вчера неожиданно для себя нашла в пустом шкафу четвертушку водки.

— Дома есть водка.

— Это хорошо. Сколько?

— Четвертушка.

Человек кивает головой, взваливает на плечи мешок и идет, но не по дороге, а к бугорку, откуда выглядывал.

— Куда же вы? — кричу я в ужасе.

— Не бойся, там у меня лошадки.

И правда, за бугорком стоят сани, запряженные парой лошадей. Мы быстро едем на лошадях. Все происходит так стремительно, что я не успеваю осознать случившееся. Въехав в город, я вижу маму. Она стоит на улице в очереди за хлебом. Увидев меня в саниях рядом с ко- соглазым возницей, она от удивления роняет сумку.

Дома он вносит мешок в комнату и протягивает руку:

— Водка где?

Я достаю бутылку. Открыв пробку, он делает глоток и, зажмурив глаза, го- ворит:

— Настоящая.

Когда запыхавшаяся мама возвра- щается из очереди, сваренная картошка уже стоит на столе. Мы радостно це- луемся.

— Слава Богу, не умрем с голода, — го- ворит мама. — Но кто же тебе помог?

— Мученик Трифон» [Православные чудеса 2000, 72—74].

Нельзя не заметить, что, сообщая данную историю, информант стремится создать художественно оформленный текст, правда, стилистически в боль- шей степени ориентирующийся на ав- торскую, а не на фольклорную прозу. Автор использует эпитеты, пытается воспроизвести свое психологическое состояние, передать атмосферу нарастающего напряжения, а потом и отча- яния, охватившего ее, активно вводит в повествование диалог, подчеркнuto эффектно заканчивает рассказ. Вместе с тем рассказ абсолютно правдив, фор- мально чудо в нем отсутствует. Пожа- луй, в этой истории можно усмотреть даже легкий элемент комического, ко- торый, возможно, входит в некоторое противоречие с пафосом повествова- ния. Придать рассказу больше единства и возвышенности могло бы менее ре- алистическое развитие действия, и такие «обработки» сходных сюжетов дей- ствительно обнаруживаются. Сообщает Зинаида Владимировна Жданова: «Мос- ква в 1942 году голодала. Притаилась. Замерзла. На улице никого нет, снег по колено. Темно. Тяжело нам было с мате- рью. Начальник конторы мне предложил поехать вместе с завхозом в командиров- ку в Рязань, чтобы там обменять что- либо на продукты. Я отказываюсь: “Не умею, не смогу, боюсь”. Матушка же [Матрона Московская — прим. С. С.] говорит: “Поезжай, поезжай, не бойся, все сделаешь и на крыльях Божиих приле- тишь домой! Я за тебя буду молиться”. Поехали. Под Рязанью ничего мы не на- меняли. Поехали в город Рязск, там де- ревя за деревней, отошли от Рязска на 25 километров. Наменяли. Погрузились в санки, пудов по пять, от проезжей доро- ги далеко. Решили идти к ней напрямик, а кругом бугры, овраги. Время упущено,

март. Встали рано утром и по насту пошли. Километра три прошли. Солнце стало припекать, снег как сахар, начали проваливаться. Тянули, тянули... Санки въехали на бугор, а внизу овраг, и мы упали, задыхающиеся, обессиленные. Чтобы прийти в себя стали глотать снег. В отчаянии я вдруг закричала: "Николай Угодник, помоги, погибаю!" Не прошло и секунды, как завхоз поднял голову и говорит: "Смотрите, смотрите, черная точка к нам приближается". Не успела я ответить, как вижу — по оврагам и сугробам едет лошадь с санями, подъехала к нам. Человек почтенного вида в черном до полу армяке, в черной скуфейке на голове, говорит: "А я с дороги почему-то решил свернуть, видно, за вами". Погрузил нас, мы опомниться не могли. Он спрашивает: "Куда вас?". Я говорю: "До Рязеска", а он мне: "Ведь вам-то надо в Рязань, в Москву ехать". Я была как одеревенелая и даже не удивилась: "Я вас довезу до Рязани". Ехали, ехали... Начало темнеть. Он и говорит: "Остановимся переночевать". Посреди полей вдруг видим — возник одинокий бревенчатый дом. Старец-возница говорит мне: "Идите в избу". Вошли, изба пустая, нежилая — справа в углу иконы, под ними стол и лавки у стен, больше ничего... У стола стоит старец с бледным изможденным лицом, в темной одежде, волосы длинные, подстриженные под скобу. Ни слова нам. Мы увидели печку, бросились к ней. Печка натоплена. Прислонились к ней и от пережитого тут же осели на пол и заснули.

Утром рано тронулись в путь. Возница, нас не спрашивая, подвозит к вокзалу, берет мои санки: "Скорее, скорее, поезд на Москву отходит". Подъезжаем, а уж первый гудок к отправке. Сесть невозможно, теплушки переполнены. Стоят у входа мужики стеной, не пускают. Он повел рукою: "Раздвиньтесь, посадите их". И они беспрекословно раздвинулись. Люди подняли санки, и мы оказались в поезде. Я была в таком запале, ни спасибо не сказала и не чувствовала ничего. Приезжаю домой, а матушка говорит: "Ну, что, на чьих крыльях прилетела?"

И вот прошло тридцать лет, прежде чем я поняла, на чьих. Как же долготерпелив и милостив Господь. Нас пересе-

лили с Арбата в Медведково. Прихожу в храм Покрова Пресвятой Богородицы в нижний ярус, ставлю свечку Николаю Угоднику. Господи, да ведь это был он, великий чудотворец, тот же лик я вижу под митрой. И все это случилось со мной по молитве матушки!

С тех пор душа преисполнена благодарности и теплой, безграничной любви к святителю Николаю, нашему скорому помощнику. И только теперь я задаю себе в удивлении вопросы. Как могли сани так быстро подъехать к нам без дороги, как могла пройти лошадь по глубоким оврагам с рыхлым снегом? Почему помощь явилась мгновенно после моего вопля к Николаю Чудотворцу? Что это был за дом одинокий среди безбрежных полей? Как возница узнал, откуда мы, и привез нас к самому отходу поезда? Кто был тот старец в избе под иконами и была ли вообще эта изба? [Житие Матроны Московской 2002, 63—65].

В этом рассказе за разработанной в бытовом ключе начальной частью повествования следует изложение событий в мистико-фантастическом духе: значительно снижается реалистичность пространственно-временных характеристик, образа незнакомца-помощника, появляется почти сказочный, одинокий, затерянный в полях дом и его странный обитатель. Характерно, что «чуждость» описанных событий находит подтверждение в обнаруженном рассказчицей сходстве между иконой Николая Чудотворца и незнакомцем-помощником и усиливается вопросами, которыми она задается в конце своего повествования.

Итак, при определенной устойчивости структурной модели рассказов о чудесах подобные истории значительно различаются между собой стилистически, что зависит главным образом от индивидуальности исполнителей. Эта особенность заставляет нас обратиться к идее П. Г. Богатырева, высказанной им в одной из незавершенных работ [Богатырев 2006]. По его мнению, стилистическая клишированность, высокая степень нормативности характерна для фольклорных произведений, «уже вылившихся в предельные формы, как сказки, былины и т. п.» [Там же, 211]. «Предельные формы», с точки зрения

ученого, — те в которых эстетическая функция в «иерархии функций» фольклорного произведения заняла главенствующее место. Вместе с тем, как отмечал Богатырев, во многих историях, описывающих факты из жизни, содержится тенденция к усилению эстетической функции: «<...> в самом простейшем рассказе о встрече с диким зверем, в пересказе явлений близких к галлюцинациям и в других рассказах заложена творческая сила, <...> эти простейшие рассказы, передаваясь из уст в уста, творчески видоизменяются и в них заложена тенденция к превращению в художественные произведения с доминантой эстетической» [Там же, 209]. Таким образом, для Богатырева переход от внеэстетического к эстетическому в фольклоре — вопрос эволюции. Мысль Богатырева в принципе согласуется с идеей «Эстетики» Гегеля о свойстве человеческого сознания эстетизировать значимое [Гегель 1973]. То, что важно и истинно, должно быть «совершенно». Соответственно, значимость, которая приписывается рассказчиками случившимся с ними чудесным событиям, предопределяет усиление в рассказах о них эстетической функции. Стремясь тщательнее оформить свой рассказ, исполнители, таким образом, выражают почтение к данному событию, подчеркивают его божественную (истинную) сущность. Кроме того, во многих случаях столь важная и поучительная с точки зрения верующего человека история рассказывается множество раз и при этом в силу вступает объективный механизм «оттачивания», «шлифовки» текста, в том числе при помощи включения в него художественных элементов. Заметим, что, на наш взгляд, исполнители могут прибегать к ним подсознательно, менее всего желая что-либо приукрасить, преувеличить или исказить. Однако прямые свидетельства эволюционного процесса развития жанров народного творчества не выявлены. В связи с чем Э. В. Померанцева, например, лишь осторожно констатировала наличие двух групп фольклорной прозы — с доминирующей эстетической и с доминирующей внеэстетической функциями [Померанцева 1975]. Воз-

можно, в перспективе наблюдения над жизнью народных религиозных рассказов позволят обнаружить дополнительные факты, касающиеся этой сложной проблемы.

В заключение отметим, что в рассказах современных верующих о чудесах проявляется одно из фундаментальных свойств культуры — находить средства для того, «чтобы осмыслить свои проблемы и совладать с ними» [Левин 2004, 10]. Однако сам характер этого осмысления — иррациональный — сблизил народную религиозную прозу с феноменом традиционных верований и мифологии.

Литература

Блаженная Ксения 2002 — По молитвам блаженной Ксении. Новые чудеса. М., 2002.

Блаженная Матрона 2002 — О жизни и чудесах блаженной Матроны. Акафист. М., 2002.

Богатырев 2006 — *Богатырев П. Г.* Законы видоизменений народных рассказов, несущих неэстетическую функцию, в рассказы, в которых доминантной является эстетическая функция (анекдоты, сказки). На основе словарных устных рассказов // Богатырев П. Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы) / сост., вступит. статья и подготовка текстов С. П. Сорокиной. М., 2006. С. 207—217.

Гегель 1973 — *Гегель Г. В. Ф.* Эстетика: в 4 тт. М., 1973. Т. 1.

Житие Матроны Московской 2002 — Житие и чудеса святой и праведной Матроны Московской. М., 2002.

Левин 2004 — *Левин Ив.* Двоеверие и народная религия в истории России / перевод с английского А. Л. Топоркова и З. Н. Исидоровой. М., 2004.

Панченко 1998 — *Панченко А. А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни. Спб., 1998.

Померанцева 1975 — *Померанцева Э. В.* Соотношение эстетической и информативной функций в разных жанрах устной прозы // Проблемы фольклора. М., 1975. С. 75—81.

Православные чудеса 2000 — Православные чудеса в XX в.: Свидетельства очевидцев. М., 2000. Вып. 1—5.

Тарабукина 2003 — *Тарабукина А. В.* Фольклор и мифология прихрамовой среды // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 301—320.

Федотов 2003. — *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 2003.